

Николай Добролюбов

Письмо из провинции

Николай Александрович Добролюбов

Письмо из провинции

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120675

Аннотация

«Письмо из провинции» – один из самых интересных и важных документов, вышедших из кругов революционной демократии в эпоху падения крепостного права, бесценный памятник русской бесцензурной речи. Документ имеет первостепенное значение для понимания сложного комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями двух центров революционной демократии, а именно: лондонского, заграничного, во главе с Герценом и Огаревым, и внутрирусского, петербургского, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым. И тот и другой боролись за сплочение демократических сил страны, за ликвидацию самодержавия и крепостничества, но существенно расходились между собой по важнейшим вопросам революционной тактики.

Содержание

Комментарии
Комментарии

13

Николай Александрович Добролюбов

Письмо из провинции

Январь 1860 года

Милостивый государь!

На чужой стороне в далекой Англии вы, по собственным словам вашим, возвысили голос за русский народ, угнетаемый царскою властью; вы показали России, что такое свободное слово^[1]... и зато, вы это уже знаете, все, что есть живого и честного в России, с радостью, с восторгом встретило начало вашего предприятия, и все ждали, что вы станете обвинителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий, – это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II^[2], его супруге (столь пекущимся о любезном вам православию с отцом Бажановым). Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвешено и рассчитано, каждая строка в вашей газете должна¹ быть делом расчета, а не увлечения: увлечение в деле политики бывает иногда хуже преступления... Помните

¹ В «Колоколе» опечатка: должны. – *Ред.*

ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстоять опасность, если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выйти страшное бедствие – новое торжество царской власти. Может быть, это пробуждение недалеко; царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданным за разбитие царских кабаков^[3], разбудят Россию скорее, чем шепот нашей литературы о народных бедствиях, скорее мерных ударов вашего «Колокола»...

Но чем ближе пробуждение, тем сильнее грозит опасность, о которой вы говорили... и об отвращении которой вы не думаете... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками... Дело вот в чем: к концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти человеческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умер, все обрадовались, и энергические мысли заменились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца; машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта предупредил неизбежную и грозную катастрофу^[4]. Война шла дурно, удар за уда-

ром, поражение за поражением – глухой ропот поднимался из-под земли! Вы писали в первой² «Полярной Звезде», что народ в эту войну шел вместе с царем, и потому царь будет зависеть от народа^[5]. Из этих слов видно только, что вы в вашем прекрасном далеко забыли, что такое русские газеты, и на слово поверили их возгласам о народном одушевлении за отечество. Правда, иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, не только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтоб русский народ в эту войну заодно шел с царем, – нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа^[6], и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения, крепостные от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания. Подумайте об этом расположении умов народа в конце царствования Николая, а вместе с тем о раздражении людей образованных, нагло на каждом шагу оскорбляемых николаевским деспотизмом, и мысль, что незабвенный мог бы не так спокойно кончить жизнь, не покажется вам мечтою. Да, как говорит какой-то поэт, счастье было так близко, так возможно^[7]. Тогда люди прогресса из так называемых образованных сословий не разошлись бы с народом; а теперь это возможно, и вот почему: с начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после

² То есть в первом номере «Полярной звезды». – *Ред.*

издания рескриптов все очутились в чаду, как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, об мирном³ прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлекут⁴ 12 лет рабства под гнетом переходного состояния, и что мысль, наделят ли крестьян землею, у народа была на первом плане. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчас же в ход эстляндские, прусские и всякие положения, которые отнимали у крестьян землю^[8]. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть из них еще не разрешила себе вопроса насчет крестьянской земли. А в правительстве в каком положении в настоящее время крестьянский вопрос? В большей части губернских комитетов положили страшные цены за земли; центральный комитет делает черт знает что: сегодня решает отпустить с землею, завтра без земли, даже, кажется, не совсем брошена мысль о переходном состоянии^[9]. Среди этих бесполезных толков желания крестьян растут; при появлении рескриптов можно было еще спокойно взять за землю дорогую цену, крестья-

³ В «Колоколе» напечатано: «обширном». – *Ред.*

⁴ В «Колоколе» напечатано: «не увлечет». – *Ред.*

не охотно бы заплатили, лишь бы избавиться от переходного состояния; теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 целковых, которая стоит семь^[10]. Вместе с этим растут и заблуждения либералов: они все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса. Одним словом, крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедают в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и кто их знает что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого, в случае, если народ без руководителей возьмется за топор, путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместо с Собакевичами и Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им? Если выйдет первое, то ужасно; если второе, то, разумеется, жалеть нечего. Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о *демокраси* в Америке^[11] и не знающих, что делать дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя в сущности не выйдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают действительно народу добра, но не видят перед собою пропасти и с пылкими надеждами, увлеченные в общий водоворот умеренности, ждут всего от правительства и дождутся,

когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет <их> под один уровень с своими притеснителями. Что же сделано вами для отвращения этой грядущей беды? Вы, смущенные голосами либералов-бар, вы после первых номеров «Колокола» переменили тон. Вы заговорили благосклонно об августейшей фамилии; об августейших путешественниках говорили уже иначе, чем об августейшей путешественнице. Зато с особенною яростью напали на Орловых, Паниных, Закревских. В них беда, они мешают Александру II! Бедный Александр II! Мне жаль его; видите, его принуждают так окружать себя – бедное дитя, мне жаль его! Он желает России добра, но злодеи окружающие мешают ему!^[12] И вот вы, вы, автор «*С того берега*» и «*Писем из Италии*», поете ту же песню, которая сотни лет губит Россию. Вы не должны ни минуты забывать, что он – самодержавный царь, что от его воли зависит прогнать всех этих господ, как он прогнал Клейнмихеля. Но Клейнмихеля нужно было ему прогнать по известному правилу Маккиавели – в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом очищения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай также прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться? Или, может быть, вы серьез-

но убеждены, что Александр слушается вашего «Колокола»? Полноте... Сколько раз вы кричали: «долой Закревского, долой старого холопа!», а старый холоп все правил Москвой, пока собственная дочь не уходила его^[13]. Да разве Москва за свою глупую любовь к царям стоит лучшего губернатора? Будет с нее и такого... Говорят даже, Александр II нарочно его держал губернатором, чтобы не показать, что он слушает «Колокола». Это может быть. И это нисколько не противоречит слуху, что вы переписываетесь с императрицей.⁵ Что же, она может вас уверять, что муж ее желает России счастья и даже свободы, но что теперь рано. Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина^[14]. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал; но, верь мне, я так же люблю Россию, я – не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться». И 30 лет укреплял он русский народ. Может быть, это анекдот – и выдумка, но он – в царском духе, то есть брать обольщением, обманом там, где неловко употребить силу. Но как бы то ни было, сближение с двором погубило Пушкина... Как ни чисты ваши побуждения, но, я уверен, придет время, вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем

⁵ Примечание А. И. Герцена: «Неужели речь идет о моем письме к императрице Марии Александровне о воспитании наследника?»

прогнесе, мы все еще стоим на одном месте; во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. Так и теперь господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупах^[15]. Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики – золотая цепь, которую легко обратить в кандалы подающей ее. В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним. Да, в духовенстве являются люди, которые прямо говорят, что правительство своею опекою убьет православие, но, к счастью, ни Григорий, ни Филарет не понимают этого! Так пусть они вместе гибнут, но вам какое дело до этих догнивающих трупов? Притом Галилеянин продолжает так ревновать о вере, что раскольники толпами бегут в Австрию и Турцию, даже вешают у себя на стенах портреты Франца-Иосифа вместо Александра II. Вот подарок славянофилам! Что, если Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию? Ведь роли между Голштинцами^[16] и Габсбургами переменятся. Вот была бы потеха. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали^[17], и оно удивительно верно, – другого спасения нет. Вы все сделали,

что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать.

С глубоким к вам уважением

Русский человек.

Я просил бы напечатать вас это письмо, и если вы печатаете письма врагов ваших, то отчего же бы не напечатать письмо одного из друзей ваших?

Комментарии

Опубликовано в «Колоколе» 1 марта 1860 г. за подписью «Русский человек».

«Письмо из провинции» – один из самых интересных и важных документов, вышедших из кругов революционной демократии в эпоху падения крепостного права, бесценный памятник русской бесцензурной речи. Документ имеет первостепенное значение для понимания сложного комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями двух центров революционной демократии, а именно: лондонского, заграничного, во главе с Герценом и Огаревым, и внутрирусского, петербургского, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым. И тот и другой боролись за сплочение демократических сил страны, за ликвидацию самодержавия и крепостничества, но существенно расходились между собой по важнейшим вопросам революционной тактики. К тому же Герцену, в меньшей мере Огареву, были присущи отступления в сторону либерализма. Именно о них и идет речь в «Письме». Имеющиеся в распоряжении исследователей данные неопровержимо свидетельствуют, что документ вышел из круга руководителей «Современника», далее же полного единства взглядов среди специалистов нет, приводятся доводы в пользу авторства как Чернышевского, так и Добролюбова. Еще М. Лемке писал, что автор письма – Чернышевский, ссыла-

ьясь на свидетельство А. Слепцова. Однако из слов последнего ясно, что Чернышевский ознакомил Слепцова с содержанием письма, но ровным счетом ничего не говорил об авторе документа. Более точное указание об авторстве Добролюбова содержится в брошюре А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», изданной в Швейцарии в 1867 году. Брошюра содержит убедительный перечень отступлений Герцена в сторону либерализма и напоминает о соответствующей оценке этих грехопадений Чернышевским и Добролюбовым. Внимательное изучение текста письма показывает, что оценки ряда событий, содержащихся в «Письме», очень близки соответствующим высказываниям Добролюбова. Сопоставление всех известных фактов об отношении Добролюбова к Герцену, включая такие вопросы, как поездка Чернышевского в Лондон в 1859 году, встреча Добролюбова с Герценом годом позже, сотрудничество двух революционных центров в подготовке и обсуждении программы «Великорусса», активное участие в последнем Добролюбова свидетельствуют в пользу вывода, что автором «Письма из провинции» был Н. А. Добролюбов. Нельзя также не обратить внимания, что в том же 1859 году Добролюбов дважды в «Свистке» печатал статьи под тем же названием – «письмо из провинции», резко выступая в них против «обличительства».

Комментарии

1.

Письмо написано в редакцию герценовского «Колокола».

2.

Об этих «гимнах» В. И. Ленин писал, что их нельзя «читать без отвращения» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259).

3.

Система предоставления царским правительством монополии на продажу вина (откупная система), дозволившая откупщикам-монополистам фальсифицировать вино и продавать его по сильно повышенным ценам, вызвала во многих местах отказ крестьян от употребления вина (в Ковенской губернии в 1856 году, в Приволжском крае в 1859 году, в Орловской, Московской, Ярославской и других губерниях в 1859 году). Отказ вызвал репрессии со стороны царских властей. Но репрессии привели лишь к углублению движения: крестьяне разбивали питейные дома, оказывали вооруженное сопротивление царским войскам, вызванным на усмирение «питейных бунтов». В двенадцати губерниях в 1859 году было разбито двести двадцать питейных домов. Об этом Добролюбов писал в статье «Народное дело».

4.

Мандт Мартьян Вильгельм (1800–1857) – врач, лейб-медик Николая I.

5.

В № 1 «Полярной звезды» напечатано объявление, что народ вынужден «поправить своею кровью царскую вину» (то есть вину Николая I), а с вступлением на престол Александра II в 1855 году «война становится народной. Народ снова имеет нечто общее с царем – оттого-то царь и будет зависеть от него».

6.

Это место является одним из аргументов, приводимых сторонниками взгляда о непринадлежности «Письма из провинции» Чернышевскому: Чернышевский во время Крымской войны жил в Петербурге и среди народа «не таскался»; Н. А. Добролюбов, как известно, жил и в Нижнем, а его дневниковые записи говорят о внимании к народным толкам времен войны.

7.

Быть может, автор и в этом месте пытается навести царскую охранку на ложный след. Во всяком случае, кто бы ни был автор «Письма из провинции», нельзя предположить, что ему неизвестен автор строфы из «Евгения Онегина».

8.

По эстляндским, прусским и другим положениям о крестьянском устройстве – крестьяне освобождались лично, не получая от помещиков землю. Об этих положениях, расхваливая их, много писала русская либеральная печать. Они весьма устраивали охотников до дешевой и «свободной» рабочей силы. Об этих положениях, но, разумеется, с другой оценкой, писал и Чернышевский, писал и Добролюбов.

9.

Переходное состояние – состояние «срочно-обязанных», которое проектировалось царским рескриптом и редакционными комиссиями. По этому проекту крестьяне в течение двенадцати лет оставались прикрепленными к земле до полного ее выкупа и должны были работать на помещика, как работали до «освобождения». Проект был осуществлен (с незначительными изменениями) в «Положении» 19 февраля; по этому «Положению» крестьяне стали называться «временно-обязанными».

10.

Такую же мысль проводит Чернышевский в статьях по крестьянскому вопросу («О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величины выкупа усадеб», «Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса»).

11.

Имеется в виду книга Токвилля «Демократия в Америке», которая вызвала большой интерес в различных кругах русского общества, оживленные споры как между демократами и либералами, так и среди последних (например, между Чичериным и Катковым). Рецензии были в «Современнике» и «Русском слове», Чернышевский использовал эту книгу в период борьбы за программу «Великорусса» (см. Чернышевский Н. Г. «Письма без адреса», М., «Современник», 1979).

12.

Фамилии Орлова, Панина, Закревского Герцен называет в статье «1860» (1 января 1860 г., «Колокол»). Не отказавшись от славословия царю за рескрипт 1857 года, Герцен опасается, что царское окружение помешает ему провести в жизнь обещанные реформы. «Нельзя прогнать Клейнмихеля и оставить Панина, Муравьева (который зевает), Орлова, Мухановского, Горчакова и пр. С этими ядрами даже знаменитый скороход... не ушел бы далеко». Статья Герцена заканчивается призывом к царю «проснуться»: «Вас обманывают, пишет Герцен, вы сами обманываетесь, это – святки, все – ряженые. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья России и кто любит только свою чистую выгоду. Вам это потому вдвое важнее, что еще друзья

России могут быть и вашими».

13.

Московский генерал-губернатор Закревский был в апреле 1859 года отставлен царем за скандальную историю с его дочерью: будучи замужем за графом Нессельроде, она вторично вышла замуж за князе Друцкого-Соколинского, для чего понадобилось совершить подлог о якобы состоявшемся разводе с первым мужем. Закревский известен как крайний реакционер, гонитель прогрессивной мысли и революционного движения.

14.

Речь идет, по-видимому, о статье польского писателя Адама Мицкевича в парижском сен-симонистском «Глоб» от 25 мая 1837 года «Александр Пушкин» за подписью «Один из друзей Пушкина» (статья в русском переводе напечатана в сборнике «Памяти А. С. Пушкина», издание журнала «Жизнь», СПб., 1889, с. 166, сл.). В статье Мицкевича имеются сведения о том, что Николай пытался «обольстить» поэта, имея заднюю мысль направить его творчество на защиту самодержавия.

15.

Автор иронизирует над обращением Герцена в статье «Через три года» к царю: «Ты победил, галилеянин!» Запрет

цензуры писать о духовенстве и откупках последовал после статей Добролюбова в № 6 «Свистка» «Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства» (книга священника И. С. Беллюстина, изданная за границей) и «Народное дело» (о крестьянских волнениях в связи с откупами).

16.

Голштинцы – намек на немецкое происхождение Романовых.

17.

Сторонники мнения о принадлежности «Письма из провинции» Чернышевскому высказывают предположение, что автор (Чернышевский) напоминает Герцену о личной беседе в Лондоне, во время которой Чернышевский пытался убедить Герцена отказаться от либеральных иллюзий.